

Олег БУХАРЦЕВ ЗИМА В ОДЕССЕ

В Одессе зима, и в воздухе пикантно пахнет недостроенным социализмом.

В Одессе зима, и так хочется себе изменить, но не с кем.

В Одессе зима, и мозг плавится от мыслей и стынет от их понимания, и в связи с этим невозможно удержать в нем постоянную температуру.

В Одессе зима, и так хочется согреть руки, обнимая женщину, которая вряд ли позволит это сделать холодными руками.

В Одессе зима, и весна в воспоминаниях так назойлива.

В Одессе зима...

Это не та классическая зима, которая бывает в отморозенной сибирской глубинке или на футбольных просторах Аляски, где снег и морозы зимой воспринимаются как должное.

В Одессе зима, а для этого достаточно, как считается здесь, лопаты снега и нескольких градусов мороза. Хотя чаще вместо лопаты снега природа использует ведро воды. И этого тоже достаточно.

Такой зимы нет нигде. Это чисто "одесская" зима. Это нужно чувствовать.

В Одессе зима, и уже распаренные дворники преимущественно женского пола, окутанные паром, со свистом вылетающим из всех дыр стареньких телогреек, монотонно поднимают и опускают свои пудовые ломы — эти незатейливые орудия производства, давно забытые цивилизованным миром, — и вот уже на месте сколотого льда рваными ранами ученических клякс обнажаются островки тротуарной плитки, еще более скользкой, чем сам лед. И недолго падающие пешеходы требуют у дворников посыпать плитку песком или вернуть лед, как говорят в Одессе, "взад". При этом непробиваемые дворники дружно огрызаются.

В Одессе зима, и розовый, как попка ребенка, железнодорожный вокзал, беременный набившимися в него пока еще потенциальными пассажирами и уже не потенциальными бомжами, ждет очередной опаздывающий замурзанный поезд. А поезд, застрявший где-то в промежуточной между Котовском и Раздельной, никак не может доехать до Одессы, не вписавшись в графики других поездов, которые, в свою очередь, не вписываются в графики следующих, что приводит к своеобразной цепной реакции опозданий, от чего "болят" головы у встречающихся. И это, в свою очередь, передается (иногда в не очень церемонных выражениях) работникам вокзала, что опять же приводит к своеобразной цепной реакции.

В Одессе зима, и троллейбусы устроили стоячую забастовку, почему-то отказываясь ехать без тока. Они — явно в знак протеста — постоянно пытаются раздвинуть колеса на обработанном до зеркального блеска льду и, слегка присев в изысканном реверансе, ударить об игриво проглядывающий местами асфальт своими не достающими до земли и кривыми, как дужки очков, штангами. В это время в набитых людьми троллейбусных чревах рождается догматическая мысль, что здесь единственное место, где близость мужчин и женщин их разъединяет.

В Одессе зима, и как можно не сказать о зимних одесских пляжах?!

Ланжерон встречает выпученными и слегка раскосыми от мороза глазами в виде двух больших белых шаров и удивленно криво улыбаются дрожжащим прибором. Море упорно пытается замерзнуть, и неуклюжие чайки соскальзывают с пирса в неглубоководными тужками.

Группа жизнерадостных "моржей", трясая "окорочками", намеревается залезть в воду.

Мужчины отличаются от женщин только отсутствием верхней части купального костюма. Телесные формы не утомляют разнообразием, и кажется, что их называют "моржами" не за зимние купания, а за наличие значительной жировой прослойки, которая им не только не мешает, а очень даже нравится. О мужчинах лучше не говорить. Но, если посмотреть на женщин, то однозначно: художники эпохи Ренессанса очень бы пожалели, что не дожили до наших дней; и нет на свете недостатка, который в определенной ситуации не смог бы стать достоинством, и наоборот.

А со старенького, не убранного с лета одинокого деревянного топчана на них без всякого интереса смотрит коренной одессит дядя Миша. Эту картину он наблюдает каждый день после того, как сказал жене, что записался в "моржовый" клуб. Дядя Миша, подняв воротник и нахлобучив шапку по самые брови, от размеров и густоты которых ностальгически веет временами застоя, достает из старой потрепанной матерчатой торбочки, которая, видимо, помнит еще II съезд Коминтерна, непечатую бутылку водки и с мастерством иллюзиониста двумя пальцами шутя открывает ее. Дэвид Копперфильд, увидев этот трюк, от зависти залился бы горячими слезами. Затем он наливает водку в стакан, который достает из той же торбочки, и медленно пьет. При этом кадык его ходит туда-сюда, как поршень насоса, закачивающего жидкость в иссохший резервуар. Закончив первую часть священного ритуала, он достает все из той же бездонной торбочки бутерброд, завернутый в пожелтевший номер газеты "Знамя коммунизма" за 1968-й год, и медленно кусает его за удобное место. При этом бутерброд своими размерами, формой и содержанием напоминает старый и потрескавшийся башмак Гулливера, уроненный в бочку с тюлькой. Закончив с бутербродом, он наливает второй стакан и совершает повторный обряд принятия живительной влаги. На этот раз движения его уже не так тверды и решительны. Затем он медленно раздвигает до умопомрачительно-великолепных семейных трусов в "жовто-блакитных" орхидеях и смело направляется к морю. Он останавливается у воды и ждет, чтобы не он попробовал воду, а вода сама попробовала его. И она его пробует. И это дяде Мише не нравится, и похоже, что это взаимно. Охлажденный пыл разворачивает его тело на 180 градусов и толкает мягким винтом в сторону топчана. Дядя Миша, уже не применяя надоевший стакан, приняв позу пионера-горниста, из горлышка медленно допивает остаток водки, быстро одевается и, слегка покачиваясь, как старый "морской волк", не спеша уходит, при этом искренне не завидуя "моржам", и они ему так же искренне отвечают взаимностью. Ланжерон рыбами глазами белых шаров смотрит ему вслед с надеждой на завтрашнюю встречу. И мужское достоинство дяди Миши, уничтоженное безжалостным временем, болезненно страдает.

В Одессе зима, и где-то в заснеженном зоопарке, как всегда, находящемся у вечного "Привоза", дети с растопыренными одеждой руками, похожие на пингинов, и пингины, растопыренные от природы по жизни, похожие на детей, сосредоточенно смотрят друг на друга немгающими от удивления глазами, видимо, странно угадывая какие-то забытые родственные связи.

И на Приморском бульваре тоже, как ни странно, зима.

Остекленевшие деревья, задумчиво глядя куда-то внутрь себя, скрипят, качаются на ветру, создавая звук, одновременно напоминающий скрип кавалеристских штанов и визг неугомонной студенческой кровати.

Заиндевшая пучеглазая ворона с явно выраженным одесским кловом, сидя на плече памятника великому Пушкину, зябко жметесь к незабвенному поэту, прячась под его металлические кудри и пытаюсь согреться его дыханием, хотя это вряд ли доставляет большое удовольствие нестарющему гению.

Два пожилых одессита, обсуждая новости политики, отвечают друг другу вопросом на вопрос, вследствие чего никак не могут получить ответ ни на один из них, кстати, как и все остальные граждане, проходящие мимо и периодически с интересом включающиеся в их дискуссии.

И никто не хвастается, что у него мама — юрист, а папа — еврей. Потому что прекрасно знают, что хвастаться можно тогда, когда это хотя бы наоборот.

И влюбленные целуются, и от этого пахнет весной. И поцелуи — одинаковые, как ксерокопии — так настырны и неумелы.

И горячо любимый Дюк со снежной папашкой на голове и неотъемлемым свитком в руке с многоречивого и легендарного люка до умиления похож на писающего батьку Махно.

И мусорные контейнеры, утомленные бомжами, зевая открытыми крышками, периодически ежась, одновременно стесняясь своей не по-зимнему радостно-яркой окраски.

В Одессе зима, и Дерибасовская тоже в ней. И вы идете по Дерибасовской. И она вам кажется короче, чем она есть на самом деле. И это означает только то, что вам хочется, чтобы ваше путешествие по ней продолжалось.

И вы идете от памятника Де Рибасу, не по погоде одетого и одиноко мерзнувшего в своих бронзовых штанишках. И только бесформенная мороженщица в шапке, очень похожей на буденовку рыцарей революции начала прошлого века, и с остекленевше-фиолетовыми губами, похожими на губы цыганки, продающей разноцветные воздушные шарики на почти забытой первомайской демонстрации, визгливо-монотонно убедительно зазывает попробовать свой товар, выставляя его напоказ этикеточным лицом.

А между входом в банк и водосточной трубой с бумажными флагами объявлений сидит мужчина неопределенного возраста с гармошкой, похожей на умерший сапог, и со скрюченными от мороза пальцами. Любый, даже начинающий музыкант без труда заметит, что последний аккордом, который он брал, был ля-минор.

А неподалеку виден знаменитый Дворец бракосочетаний, из которого на дрожжащих ногах — под задорное улюлюканье гостей и не имеющих отношения к процессу зевак — выходит худосочный жених с полносочной в негущемся, как кольчуга средневекового рыцаря, платье невестой, которую он взял на руки по настоянию умиленных родителей для одной-единственной фотографии, и по его страдальческому лицу и выкатившимся от напряжения глазам видно, что этот подвиг он совершает, вполне возможно, в последний раз в жизни. А холод цинично залезает невесте под платье, но она горящими глазами смотрит на супруга с уверенностью и надеждой, что жаркая почти первая брачная ночь не заставит ее мерзнуть.

А в это время буквально в двух шагах конькового хода, у здания, созданного великим Бернардацци, Одесской филармонии уже "кучкуются" неподражаемые одесские путаны, разбрасывая в стороны, как орлицы крылья, полы умопомрачительных шубок и пытаюсь опять же своими умопомрачительными прелестями обольстить хлебосольных и краснокопрых клиентов. Хотя можно и ошибиться. Впрочем возможно, что они пришли послушать оркестр под управлением нежно любимого одесскими ценителями классической музыки великого Хобарта Эрла, но просто опоздали или не достали билет.

И добропорядочные отцы семейств, спешащие домой, глядя на них, сворачивают шею до хруста в остеохондрозных позвоночниках

и — уже не в силах восстановить первоначальное положение головы — так и идут за тылками вперед, пугая встречных прохожих и тревожа дремлющие кратеры урн.

Но это все чуть дальше. А вы идете по Дерибасовской и попадаете в Горсад. Это епархия детей и художников, старушек и мольбертов.

Одесские дети, играющие в "снежки"! Что может быть прекрасней? Снег, разбросанный кое-где и как попало, похож на обрывки орнбургских пуховых платков не первой свежести. Чтобы слепить, мяжко говоря, недоразвитый снежок, упрямым отпрыскам приходится в позе трудолюбивых селян, занимающихся прополкой огорода, обработать чуть ли не гектар близлежащих окрестностей. При этом последствия непопадания снежком-уродцем в цель, то есть глаз товарища по игре, могут быть самыми непредсказуемыми, но обязательно сопровождаются слезами зеленой по весеннему досады, ведь обработать еще один гектар грязного снега не каждому по силам.

Мимо, фыркающая и отплевываясь, как утомленные лошади, пронесется хилые старушки, волоча за собой алюминиевые санки с упакованными в них и перепаханатыми, как новорожденные, внуками-переростками, одновременно лихо разрезая, как праздничный пирог, стертыми полозьями санок ни в чем не повинный в снежно-ледяных латках асфальт. И это они проделывают с незаурядными способностями вышедших на пенсию слаломистов, едва не задевая разбросанных по Горсаду художников, которые, чтобы согреться, рисуют лето. Это рождает надежду, и сразу хочется жить. И даже не очень удачные картины, изображающие летние сюжеты, вызывают расположение. И бабочки, порхающие на них, тоже дарят надежду.

А рядом нахолившийся от необычного мороза воробей, похожий на грязного попугая какаду, плохо кушавшего в детстве и к тому же страдающего неправильным обменом веществ, лениво-возмущенно чирикает на проходящего мимо хамоватого ротвейлера, который едва не пометил свою территорию на его роскошный хололок.

В Одессе зима, и цены на "Привозе" и температура воздуха так обратно пропорциональны.

В Одессе зима, и пусть говорят, что холод — это то же тепло, только на более низком температурном уровне, но оба полушария мозга, скукожившись, жмутся друг к другу, как новорожденные щенки, боясь притронуться изнутри к холодной полировке черепа.

В Одессе зима, и ветер делает нас парусами затерявшихся в море лодок, а дождь, имеющий отношение к этому виду осадков только названием, так похож на насыщенный туман.

В Одессе зима, и согревает только водка, секс и надежда на светлое будущее, в котором будет и первое, и второе, но все же хотелось бы побольше второго. Хотя и первое тоже неплохо.

В Одессе зима, и скотлеты льдины ложатся пластиками, как коржи свадебного торта, и от этого женщинам еще больше хочется замуж, и тупые в отношении понимания этого мужчины опять не хотят раскрепостить свою фантазию.

В Одессе зима, и сверкающая жемчужина-Одесса стремится забраться обратно в свою перламутровую раковину, чтобы согреться.

Но солнце уже лижет ее прелестные колени, и ледяные кучи, скрипя хрустальными внутренностями и подорванным здоровьем, легко проседают тающим пломбиром.

И дымчатые сосульки плещут от смеха крокодильевыми слезами, не в силах удержаться от созерцания происходящего.

И нет уже холода внутри, как нет его уже и снаружи.

И это не означает, что зима отступает и похотливо отдается теплу.

Нет! Ведь, по большому счету, все это и есть — настоящая "одесская" зима!

Одесса.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

К моей судьбе пришвартовался город

Соленый мрак
разрезал поезд скорый.
Я в день вошел
в шинели без петлиц.
К моей судьбе
пришвартовался город
В летящей пене
белоснежных птиц.
Я полюбил асфальты,
как сапог,
Который,
нахлебавшись сельской грязи,
Вдруг получает в жизни
статус князя —
Одесский порт
мне выстоять помог.
Я после смены
пил "на посошок".
Меня уже

присматривали свахи,
И был не сладок
тот кубинский сахар
По девяносто килограмм
мешок.
Но парусники
в аксельбантах вант
Еще ходили
за Босфор и дальше.
Я жил без денег,
но зато без фальши.
Я молод был
и слово знал "талант".
***
Я родился перед рассветом.
Только лучик в глазах забрезжил,
Грудь наполнил озонный ветер
Черноморского побережья.
Если путь преграждали горы
Или шел по пескам сыгучим,
То всегда свежий ветер с моря
Неизменный мой был попутчик.

Годы, годы — всего лишь числа.
Расстоянья — лишь километры.
Я всегда буду жить мальчишкой
По другую сторону ветра.

У Фанкони

А. Батрову

Вдоль стенки
лестница крутая,
Дверей
узурный переплет.
Старик
мне долго открывает
И молча
за руку ведет.
Он носит
вытертую пару
И грубой
вязки свитера.
Лицо в морщинах,
словно парус,
Который
ветер потерял.
И веет в комнате
печалью

Прошедших лет,
ушедших дней.
У книг,
как будто у причалов,
Стоят
макеты кораблей.
Но дальше
он ведет неспешно
Меня
сквозь молодость свою
В кофейню,
где они с Олешей
Под ярким
солнцем кофе пьют.
И море
светится лилово.
Суда
качаются в порту.
Не разбирая,
хлеб и слово
Хватают чайки
на лету.
Матросы,
обжигая руки,
Бегут по вантам
к парусам...
Я сам

под боцманскую дудку
Готов залезть
на небеса!

Я плюс Ты

Я любил девчонку тайно,
Бил баклуши, рвал цветы,
Острой сталью на платане
Нацарапал: "Я плюс Ты".
Вовсе выпустил из виду,
Хоть оно и не гранит,
Нанесенную обиду
Долго дерево хранит.
И с тех пор, дождавшись лета,
Не один десяток лет,
Этой надписью нелепой
Мстит мне взрослому в ответ.
Я гуляю здесь с женою,
Покупаю ей цветы,
А листва над головою
Тихо шепчет: "Я плюс Ты".

Одесса.